

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ «ПОВЕСТИ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ»

Первушин Михаил Викторович, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, 1609pm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1104-946X>

Аннотация. Статья раскрывает идейно-содержательный замысел одного из самых ярких памятников русской средневековой письменности – «Повести о разорении Рязани Батыем». Эта древнерусская повесть часто становилась предметом изучения литературоведов и историков. Вместе с тем она была чрезвычайно популярна и среди древнерусских книжников. Сохранилось более сотни списков этой «Повести». В статье анализируются предшествовавшие исследования, описываются некоторые выводы и ставятся нерешенные вопросы. Затем постепенно и последовательно рассматривается содержание самой «Повести». Делается обобщение эпического образа боя-пира. Доказывается его существование не только в указанной формуле «смертной чаши», а как задумка всего произведения. Именно этот образ в конечном итоге повлиял на его структуру, подчинил идейно-художественному замыслу автора. Таким образом, «Повесть о разорении Рязани Батыем» – продуманное героическое повествование о прошлом. Оно содержит целостную картину народной жизни и представляет в гармоническом единстве оригинальный художественный замысел – описание битвы как пира. Вместе с тем вся разбираемая «Повесть», согласно представленным в статье доказательствам, превращается в Похвалу, а не только ее последняя панегирическая часть. Основной смысл всего произведения преобразует рассказ о гибели Рязани в описание славы и величия всей Рязанской земли. Автор «Повести» окружает рязанский княжеский род ореолом святости. Он прославляет их, торжествуя на последних сладкоголосых аккордах всего повествования, полных «внутреннего пафоса».

Ключевые слова: древнерусская литература, князь, пир, Повесть о разорении Рязани Батыем, похвала, эпос.

Для цитирования: Первушин М.В. Идейно-художественный замысел «Повести о разорении Рязани Батыем» // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 77–85. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-77-85>

Research Article

IDEOLOGICAL AND ARTISTIC CONCEPT OF “THE TALE OF THE DESTRUCTION OF RIAZAN”

Mikhail V. Pervushin, Candidate of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 1609pm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1104-946X>

Abstract. The article reveals the ideological and substantive concept of one of the most striking monuments of Old Rus' (medieval) writing “The Tale of the Destruction of Riazan”. This old Rus' tale has often become the subject of study of literary scholars and historians. At the same time, it was extremely popular among the Old Rus' scribes. More than a hundred copies of this “Tale” have survived. The article draws attention to previous research. Some conclusions are described and unresolved questions are raised. Then the content of the “Tale” itself is gradually and consistently examined. The generalisation of the epic image of the feast battle is made. Its existence is proved not only in the indicated formula of the “death cup”, but as the idea of the whole work. It was this image that ultimately influenced its structure, subordinated the ideological and artistic conception of the author. Thus, “The Tale of the Destruction of Riazan” is a thoughtful heroic story about the past. It contains a holistic picture of the life of the people and presents in harmonious unity the original artistic concept – the description of the battle as a feast. At the same time, the entire “Tale” being analysed, according to the evidence presented in the article, turns into Praise, and not just its last panegyric part. The main meaning of the whole work transforms the story of the death of Riazan into a description of the glory and greatness of the entire Riazan land. The author of the “Tale” surrounds the Riazan princely family with an aura of holiness. He glorifies them, triumphing on the last sweet-voiced chords of the whole story, full of “inner pathos”.

Keywords: Old Rus' literature, prince, feast, “Tale of Destruction of Riazan”, praise, epic

For citation: Pervushin M.V. Ideological and artistic concept of “The Tale of the Destruction of Riazan”. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 77–85 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-77-85>

«Повесть о разорении Рязани Батыем» – яркий памятник русской средневековой письменности, носящий отчасти легендарный характер [Трофимова: 306–320] и принадлежащий сегодня к жанру «воинская повесть» или, как настаивают некоторые исследователи, «воинское повествование» [Лобакова 2020: 184–194].

Повесть сохранилась в поздних списках. Их не меньше сотни! И все они либо XVII, либо XVIII века [Лихачёв 1987: 332–333]. Это, безусловно, говорит о ее популярности в то время. Однако древнейший список – это рукопись середины XVI века Волоколамского собрания № 526 из отдела рукописей Российской государственной библиотеки (л. 229–258 об.).

Повесть была неоднократно издана Д.С. Лихачевым, и не только им [Лихачев 1949: 257–402; Повесть о разорении 1949: 5–29; Повесть о разорении 1981: 184–199; Похвала роду: 200–203; Ботош: 23–73]. Она часто становилась предметом исследования ученых, которые, с одной стороны, высоко и бесспорно оценивали ее художественное значение, а также влияние на другие произведения литературы, идущие следом¹, но, с другой стороны, полемизировали между собой насчет даты ее написания. Так, некоторые литературоведы вслед за Лихачевым указывают на вторую половину XIV или самое начало XV века как на время появления памятника [Дмитриев: 117–118; Трофимова: 306–308; Лобакова И.А. 1993а: 41]. Вместе с тем академик А.С. Орлов считал, что Повесть создана не ранее второй половины XV века [Орлов: 107]. Некоторые историки считают, что это произведение появилось еще позже – в первой половине [Амелькин: 51–52] или даже середине XVI века (1560 г.) [Клосс: 436–456].

Для решения поставленного в заголовке вопроса время создания памятника не принципиально. Однако направление влияния этого произведения на литературу последующего периода становится обратным, если принять его более позднее происхождение, а это, в свою очередь, может помочь объяснить некоторые вопросы структуры, художественных особенностей и замысла автора.

Исследуя Повесть, именно Лихачев первым отметил в ней образ битвы-пира: «Образ общей смертной чаши много раз как рефрен настойчиво повторяется в Повести. О смертной чаше, испить которую пришел перед битвой черед князю и дружине, говорят перед боем князья; образ смертной чаши доминирует в плачах» [Повесть о разорении 1949: 131]. Ученый не стал далее развивать свое наблюдение над эпическим образом, тем более что он не был прямо выделен в Повести, как, например, в «Слове о полку Игореве», где традиционная метафора «битва-пир» представлена наиболее ярко и к тому же названа своим именем: «Ту пирь докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами пологоша за землю Рускую» [Слово о полку: 258].

Вслед за Лихачевым эту метафору о бое-пире повторяли все, кто так или иначе упоминал в своих исследованиях «Повесть о разорении Рязани Батыем». Но никто не шел далее этого наблюдения. Постараемся обобщить этот эпический образ, доказать его существование не только в указанной Лихачевым формуле «смертной чаши», а как задумку всего произведения, которая в конечном итоге повлияла на его структуру, подчинила ее идейно-художественному замыслу автора.

Отметим еще, что, читая Повесть, остается много вопросов к тексту, на которые даны либо неубедительные ответы предшествовавших исследователей, либо ответы вообще не даны. Например, интересное замечание исследовательницы И.А. Лобаковой. Она сравнила текст летописи с Повестью и указала, что «если в летописях сообщается, что рязанские князья бились в осаде, то в тексте Повести рассказано о том, что они как равные выступили навстречу велицей силе Батгья» [Лобакова И.А. 1997: 474]. Любопытный факт! По мнению ученого, такие действия соответствуют «идеальному представлению автора о том, как должно сражаться за Русь», но это объяснение совершенно бездоказательно. Скорее оно соответствует не представлениям средневекового автора, а пониманию исследовательницей идеальных представлений автора. Подобным образом можно объяснить весьма многое, по существу, – всё что угодно! Другие исследователи находят в тексте Повести несколько вставок – отрывков, которые якобы были туда привнесены насильно, изначально в ней не присутствовали и носили самостоятельный характер. Например, эпизод о Евпатии Коловрате, или рассказ о посылке Батгью даров, или повествование о мученической кончине Олега Красного и другие [Комарович 1946: 74–85; Комарович 1947: 57–72; Путилов: 118–139; Водовозов: 3–27]. Однако эти «вставки» тесно связаны с сюжетом Повести и являются органичной частью ее композиции². Постараемся это показать ниже, а пока отвлечемся от Повести и попытаемся описать, что значил пир для древнерусского человека.

Согласно М. Фасмеру, слово «пир» происходит от слова «пить» [Фасмер: 264] – пить ту самую чашу, о которой говорится и в Повести. И, конечно же, чаша эта на обычном пиру – заздравная, но на пиру, который описывает автор Повести, она – смертная(!). Пир для средневекового сознания – это не только совместная трапеза за столом («застолье») в кругу близких родственников. В этот круг входил весь род. Садлись за стол по традиции «со всем родом», в том числе и с умершими, – это важно для дальнейшей аргументации. Именно пир был моделью идеальной семьи, рода, общества, государства. Он отражал идею «изобильного рая». Его глубинная семантика заключалась в наделении всех присутствующих гостей «до-

лей», определении «судьбы». Это такое совместное действие, которое влияло на благосостояние и судьбу всех его участников, в том числе и умерших, и, более того, использовалось для нейтрализации «чужого» [Морозов, Слепцова: 51]. Вместе с тем в традиции пира – это и веселье, и игра, и состязание, в которое вступают все участники застолья, в так называемое «тонкое общение с судьбой» [Морозов, Слепцова: 51; Богуславский: 150–152], которое и является сущностью любой игры. Пир в некотором роде и «шуточная война хозяина с гостями» [Платонов: 578]. Если вспомнить свадебный пир, то там мотив войны представлен с максимальной реальностью [Гура: 407].

Возвращаясь к Повести, отметим, что центральной темой разбираемого произведения является «бой как пир», но что за пир сравнивается с боем? Это не тот пир людской, как мы встречаем, пусть и с горькой иронией, в «Слове о полку Игореве», это не элемент игры, как на свадебном пире, это – пир Смерти! Именно Смерть (пишу с прописной, одушевляя ее, как и автор Повести) была главным гостем этого пира. Пир Смерти и попытка изобразить древнерусский автор в этом произведении, именно пир Смерти организовали рязанские князья для Батыя и его многочисленной армии.

«Каковы гости, таков и пир» – гласит русская народная поговорка [Даль: 113]. У средневекового человека, христианина, было особое отношение к смерти, более легкое с одной стороны (его она окружала значительно ближе, чем современного обывателя), но и более трепетное – это было для него таинством рождения, перехода в иную жизнь [Аръес; Русская философия; Kyll; Kiening: 1156–1190]. Пригласить Смерть на пир означало рискнуть, испытать судьбу, поиграть с жизнью и смертью. Только отчаянные смельчаки способны на такое – позвать саму Смерть на пир.

Именно такими смельчаками и были рязанские князья. Вот как о них отзывается автор Повести: «...удалцы и резвцы, узорочие резанское» (11)³, беспоконные, своевольные, резвые на походы, потехи, пиры... Рязанским князьям были свойственны и привычны подобные «мероприятия» как в качестве организаторов, так и в качестве участников. Лихачев отмечает, ссылаясь на исторические данные, что рязанские князья «скоры на кровопролитие» [Повесть о разорении 1949: 140]. Но при этом он же указывает на кажущееся ему противоречие, допущенное автором Повести в описании группового княжеского портрета: «Только при внимательном наблюдении можно заметить некоторые швы и спайки (в тексте Повести. – М. П.)... “на пирование тщивы”, но и “плоти угодие не творяще”» [Повесть о разорении. 1949: 136]. Противоречие исчезает, если учесть, о каких пирах идет здесь речь. Автор, наоборот, не противоре-

чит, а подсказывает читателю о тех пирах, в которых явно нет места «плотоугодию». Эта княжеская характеристика только еще больше подчеркивает дерзновение и смелость «паче меры храбрых» рязанцев, усердных на такие смертельные пиры.

Произведение начинается с попытки рязанского князя Юрия Ингоревича попросить помощи у великого князя Владимирского. Получив отказ, он «вскоре посла по братью свою» (9) для подготовки к пиру. Князь Юрий созывает всех удельных рязанских князей, причем многие из них уже умершие. Вспомним древнерусские традиции, о которых говорилось выше. Автор перечисляет некоторых из них по именам, а затем добавляет «и по прочии князи» (9). Таким образом, все рязанские князья – и живые, и мертвые – созваны на пир и становятся братьями, равными друг другу. И здесь автору не до исторической правды. Он равняет всех их между собой. Их судьбы становятся равнозначными и однозначными. Все они словно вышли из одной утробы. Все были рождены и воспитаны одной матерью – Рязанской землей. Все похожи друг на друга как близнецы-братья. Их черты характера отражаются друг в друге, словно в зеркале. Их единокровие оправдано и бесспорно. Подчеркнем, что «допущенные исторические неточности могут быть объяснены не эпической отдаленностью, а именно художественными задачами автора» [Любакова 1997: 474].

Мертвые князья, как и живые, участвуют в сощещании, выбирают для гостей дары: приношения для Батыя, первых жертв для Смерти. Кто эти первые жертвы? – посольство во главе с сыном князя Юрия Фёдором, которое отправляется после княжеского решения с приглашением гостя на пир.

Согласно дальнейшему авторскому повествованию, посольство имело успех. Все было задумано с убийственной точностью. Сначала Батый «охабися лестию не воевати» (10). В переводе Повести, опубликованной в «Библиотеке литературы Древней Руси», увы, дан неточный, не сказать неверный, перевод этой фразы – «неискренне обещал» [Повесть о разорении 1997: 141]. Если быть точным, то следовало бы фразу «охабися лестию» перевести так: «Был объят, охвачен лестью»⁴. И вот, такой подход к Батыю посольства рязанцев был верен и точен для той цели, ради которой они пришли к нему – пригласить на пир Смерти. Сам Батый был «лстив и немилосерд» (9), как его характеризовал выше автор, потому достаточно быстро распознал лесть, а с этим еще больше разгневался и с уже непоколебимым желанием «яряся-хваляся воевати» (10), что и нужно было посольству. Вот здесь и прозвучало приглашение Федора царю Батыю на пир – «аще нас преодолееши...» (10) то и всем нашим будешь владеть. Царь принял приглашение! Это была первая победа рязанцев!

Смерть князя Федора и отдание его «зверем и птицам на разтерзание» – первая жертва, первый дар на пире Смерти. Но не только главу посольства убивает Батый, а еще «и инех князей, нарочитых людей воинских побил» (10). Он словно торопится на этот пир, зная, что уже начались песни в его честь. А они действительно начались, как указывает автор: сначала «нача плакаться» великий князь Юрий «с великою княгинею, и со прочими княгинями, и з братею», а затем «плакашесь весь град на мног час» (10), поя о смерти Федора и его посольства.

Рязанский князь Юрий как гостеприимный хозяин не просто пригласил гостя на пир, но и должен был встретить его, а лучше трижды, так как по традиции гостю пира устраивали три встречи. Первая и главная из них – на границе владений. Это мы и находим в Повести! Князь, «едва отдохнув от великаго того плача и рыдания», собрал войско и заявил о начале пира: «Рече братии своей... аще... благая прияхом, то злая ли не потерпим? Лутче нам смертию живота купити... Се бо я, брат ваш, наперед вас изопью чашу смертную... (здесь словно вызов бросает Юрий своей братии, словно игру затевает, раззадоривает их к бою) И поидоша... и сretoша его <нечестиваго царя Батыя> близ предел резанских» (11).

Далее идет описание «встречи». Здесь же и первое угощение Батыю: «Мнози бо силнии полки падоша... Царь Батый... возбоися». Но и себя не забывали «удальцы резвецы» рязанские. Один попробовал чашу, другой уже кричит оставшимся братьям: «Наперед нас чашу испил!» – словно завидует брату. И опять прочим: «А мы ли сея чаши не пьем?» (11). Действительно, создается впечатление пира, разгула, какого-то безумства, веселья, игры, но только опасной, смертельной, губительной. Об этом не забывает напоминать автор Повести, указывая читателю после каждого эпизода: «Равно умроша и едину чашу смертную пиша» (12 и др.).

Пир начался! Пир Смерти «без милости», как отмечает автор, трижды напоминая это читателю: «без милости» (12), «без милости» (12), «без милости» (13).

Батый ждал еще две встречи, столь же кровавые и беспощадные: одна в городах земли Рязанской (град Прьнеск, и град Бел, и Ижеславец), другая в самой Рязани. Автор точно строил структуру произведения согласно требованиям традиции пира.

На обычном пиру рекой текут мед и пиво... И чем богаче пир, тем полноводнее эта река. На этом пиру рекой «сильной» «течаше кровь христьянская», ведь только такая река и могла быть на пиру Смерти. Откуда кровь: «Многих граждан побиша, инех уязвиша, инии от великих трудов изнемогша... мечи исекоша... огню предаша... пожегоша... мнози от оружия падоша... многих людей... мечи исекоша... в реце потопиша... до остатка исекоша... пожгоша... разориша...

много крови пролияше» (12) – глаголы только из одного краткого отрывка Повести.

В Древней Руси пир являлся формой общественного сближения, выражающего торжество, победу, веселье. Пир устраивались для всех слоев общества – от князя до простого обывателя, даже нищего, который (хотя бы один, а, как правило, несколько) обязательно должен был присутствовать на пиру [Платонов: 577; Гуревич: 359–360]. Вспомним хотя бы пиры Владимира Святославича [Котляр: 69, 84, 173–174, 203–205] и пр. Автор Повести рисует ту же картину сближения князя, его семьи, его рода (!) с простыми горожанами, которые участвуют на одном пиру, в нашем случае – пиру Смерти, потому сближает их один и тот же конец, одна и та же чаша: «Все люди побита... и испи чашу смертную... равно... не оста во граде ни един живых: вси равно умроша и едину чашу смертную пиша... вси вкупе мертви лежаща...» (12–13). Массовость пира имела целью подчеркнуть торжественность и важность момента, ради которого этот пир созывался [Котляр: 204]. И чем он важнее, тем он и многолюднее.

На званом пиру по традиции хозяин старался накормить и напоить гостей, если возможно, так, чтобы они на ногах не стояли. Такие же обильные были и проводы с песнями и возлияниями. Напитков готовилось всегда с избытком, и вслед за гостями хозяин часто посылал им до нескольких ведер вин и мёдов, для нескудной дороги и веселого похмелья [Платонов: 577–578]. Батыю этого не предвиделось, рязанцы не могли оказать ему такое гостеприимство не потому, что он их победил, а потому, что он их истребил. И реакция Батыя при взгляде на этот, по его мнению, оконченный пир Смерти вполне логична: «Возярися зело, и огорчися» (13), то есть опять ярость и гнев, никакого удовлетворения – пир не удался!

Однако он ошибался с проводами. «Некий от велмож резанских именем Еупатий Коловрат... гнаша скоро» (13), услышав, какой праздник затеяли его князья с Батыем. Именно он и песни спел прощальные – «воскрича в горести» (13). Именно он и чаши батыевым воинам поднес стремленные и забугорные – «посланы... тебя силна царя почтити и честна проводити, и честь тебе воздати. Да не подиви <т.е. не сердчай>, царю, не успевати наливати чаш на великую силу-рать» (13–14). Именно он же и честь воздал самой Смерти – «начаша сечи без милости... бьяше нещадно, яко и мечи притупишася... сечаша их... бьяше их нещадно... многих побил... ових на полы пресекаше, а иных до седла крояше... да многих... побил еси, и многие полки падоша» (13). Проводы оказались такими полноценными, такими сытыми, что батыевы воины «сташа, яко пьяны» (13) от «угощения». Сам Батый, казалось бы, удовлетворился проводами, насытился, сказав, вполне добродушно, без ярости и гнева: «Гораздо еси меня потчивал...» (14)⁵.

Отмечу особо, хотя уже и упоминал, что не обходится на пиру без песен. Да, и в Повести их хоть отбавляй. Об отдельных песнях-плачах уже было сказано, но если говорить в целом, то их насчитывают семь [Лобакова И.А. 1997: 474]. На одно несколькостраничное произведение это необычайно много. Некоторые из исследователей считают, что именно плач явился тем центром, вокруг которого развивается вся сюжетная канва Повести. Такого мнения придерживается, например, уже упоминаемая И.А. Евсева (Лобакова), которая, изучив формульный стиль Повести, утверждает, что центральной темой в ней «является тема плача» [Евсева: 124]. Однако с этим категорически нельзя согласиться. Здесь плач – это скорее песня, показатель пира, пира Смерти, один из необходимых, но недостаточных его элементов. «Когда пир, тогда и песни», – говорит нам в пословице народная мудрость [Даль: 113], но не наоборот. Кроме того, некоторые исследователи считают, что эпизод о Евпатии Коловрате является песенной вставкой в Повесть [Путилов: 118–139]. Другие видят все произведение как песню-плач автора [Лобакова И.А. 1997: 474]. Одно точно, что Повесть «изобилует народно-песенными мотивами и не вызывает никаких сомнений в своем эпическом происхождении» [Повесть о разорении 1949: 130].

После проводов гостя Евпатием пир Смерти подходит к завершению. Но он был бы не полноценен при отсутствии (даже истреблении) хозяина. Так как сейчас наступает время песен хозяйских – тихих, спокойных, где-то печальных – о расставании, о конце праздника, где-то радостных – о конце хлопотных дней. Время уборки в доме. Осталось найти хозяина. И такой находится, к удивлению читателя. Один из братьев – Ингварь Ингоревич, вернувшись из Чернигова, где гостил, прибывает к концу пира.

Конечно, та картина, которую увидел оставшийся в живых князь, могла потрясти многих сильных мужей. «Кто бо не возплачетца толика погибели, или кто не возрыдает о селице народе людей православных, или кто не пожалит толико побитых великих государей, или кто не постонет такового пленения» (15), – пишет автор. И действительно, Ингварь Ингоревич потрясен и, более того, чуть не погибает, согласно авторской задумке, так как ему удалось лицезреть саму госпожу Смерть, уходящую с пира последней: «...Видя... великую конечную погибель...» (15). Здесь же, в этом предложении, автор пишет далее о князе после такого смертельного зрелища: «...лежаща на земли, яко мертв» (15). Однако приобщиться к пиру Смерти ему не дали княжеские слуги, которые «едва отльеяша его, и носяша по ветру». Лишь только после этого «отдохну душа его в нем» (15).

Князь Ингварь, как и положено, поет завершающие пир песни. Он и «воскрича горько велием гла-

сом, яко груба распалаяся», и «погребе с плачем великим... и надгробное пеша... во псалмов и песней место: кричаще велми и рыдаше (то есть вместо положенных зауспокойных песнопений – крики и рыдания. – М. П.)... И плачяся безпрестано... всегда плач творяще... и плакася долг час» (15–17).

Неудивительно (потому что соответствует традициям пира) и то, что среди его печальных, горьких песен есть и другие, сладкие (слово, имеющее однозначное значение во всех словарях: «нечто приятное»). Хотя, конечно же, контрастом звучит на общем фоне авторское сравнение: «Возкричаша... яко сладкий арган вещающи» (15).

На этом Повесть завершается. Особо отметим еще раз ее цельность. «Бой как пир» автору, бесспорно, удался! Мы наблюдаем продуманное героическое повествование о прошлом, содержащее целостную картину народной жизни и представляющее в гармоническом единстве оригинальный художественный замысел – описание битвы как пира.

Однако вопрос, который возникает, думается, у каждого при прочтении такого произведения: какова была цель автора, зачем весь этот труд? У предшествовавших исследователей имелся ответ и на этот вопрос. Так, например, кто-то утверждает, что это «обвинительная речь патриота-народолюбца» [Комарович В.Л. 1946: 76]; кто-то решил, что Повесть крепко связана единой идеей «беззаветной, мужественной защиты родины от нашествия враг», в этом ее цель и смысл [Дмитриев: 122–123]; кто-то видит в ней лишь печальную картину «великой конечной погибели» [Лобакова И.А. 1997: 474], и именно этой главной идее подчинен исторический материал Повести. Все это так! И все же, кажется, что цель написания этого произведения надо искать в двух аспектах – пира и смерти. Ключ же к разгадке лежит в том «сладкоголосом органе», про который мы только что говорили, с учетом и идейно-художественного замысла произведения и его структуры.

Аспект пира заключается в том, что это не просто трапеза, не просто обед! Оба слова встречаются в древнерусских памятниках как некоторое противопоставление пиру. Например, «имеа на трапезы... и на пиры» (Житие Авраамия Смоленского) или «почаша звати его на пир... а он же позва к собе на обед» (Киевская летопись, про кн. Давида) и др. Пир – это торжество, это славление! Пир собирали для празднования определенного события, как правило, особого. И чем больше пир, тем большее значение имело празднуемое событие. Повторимся: пир в Древней Руси отражал модель идеальной семьи, рода, общества, государства. Он отражал идею «изобильного рая». Модель идеальной земли – земли Рязанской – и пытался нарисовать нам автор Повести.

В отношении аспекта смерти вряд ли будет преувеличением сказать, что она является главной про-

блемой бытия как всего человечества, так и каждой конкретной личности. С одной стороны, смерть есть непреложный и неизбежный факт, а с другой – тайна и вечный вопрос для всякого человека, приходящего в этот мир. Для средневекового сознания вопрос смерти был решен положительно – смерть приравнивалась к рождению в новую, иную, отличную от земной жизнь – жизнь небесную, жизнь с Богом и в Боге. Она же – «одна из важнейших тем летописного повествования» [Пауткин: 183]. Ярким примером тому является заключительная часть «Речи философа», которая оказала на Владимира Святославича неизгладимое впечатление. Ведь именно тогда, согласно летописцу, киевский князь задумался о грядущем и был соблазнен «красотой неизреченной», «весельем без конца» и «не умиранием во веки» [Пауткин: 183].

Цель, которую поставили себе герои пира Смерти, согласно автору Повести, была выполнена: «Лутче нам смертию живота купити» (11) – вот их слова. И действительно, никто из рязанцев не был побежден. Победить их не смогли, смогли только истребить. Они смертью покупают себе жизнь вечную, тот самый изобильный рай, что и символизирует пир, где уже не будет «умирания во веки»! И фактически Повесть о разорении превращается в Повесть о прославлении, о святости, в Похвалу, где просто необходим «сладкий арган». Тем более необходимо отметить, ссылаясь и на Лихачева, и на Пауткина, что среди добродетельных качеств князя современники выше всего ценили именно ратный труд, подвиг воина.

Структура разбираемого произведения, по наблюдению Н.С. Демковой, вторит структуре «летописной повести» [Лобакова И.А. 1997: 473–474]. И действительно, в тексте Повести сохраняются отдельные летописные приемы изложения: обстоятельство смерти князя (или князей, или гибель Рязани), плач по нему (или по ним), погребение (или погребения), похвала умершему (или похвала роду). А.А. Пауткин, рассуждая в том же ключе, что Демкова, отмечает, что организующим центром таких летописных повестей-статей является «некрологическая характеристика», информирующая о смерти правителя, так как «она обладает бесспорной жанровой определенностью, обособленностью и устойчивой традиционностью» [Пауткин: 189]. Согласимся с этим, но выделим шире: именно структура так называемой летописной повести, о которой говорят исследователи, цитированные выше, и есть структура княжеской Похвалы как определенного литературного канона [Аверинцев: 104–107] или, если угодно, категории, а не жанра. Скорее, внутри Похвалы можно выделить определенные жанровые явления (назовем их по-гречески): биография (как вариант – эпос, хроника), некролог, коммос, панегирик (хайретизм) и т. п. Именно Похвала, таким образом, становится

одним из устоявшихся повествовательных канонов русской средневековой литературы.

И разбираемая Повесть – это именно Похвала в определяемом выше смысле. Причем превращается в Похвалу вся Повесть, а не только ее последняя часть – панегирическая. Ибо основной смысл Повести делал ее не рассказом о гибели Рязани, а повествованием о славе и величии всей рязанской земли вообще и всех рязанских князей в частности, а гибель их и с ними Олега Красного (по Повести – первого русского князя, погибшего за веру) окружает ореолом святости всех «братьев», целую ветвь рязанских князей, которую и прославляет автор Повести, торжествуя на последних сладкоголосых аккордах всего повествования, полных «внутреннего пафоса» [Повесть о разорении 1949: 133] и характеризующих рязанских князей, родившихся уже для новой и вечной жизни.

Примечания

¹ Обычно называют такие памятники литературы, как летописная «Повесть о нашествии Тохтамыша», «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского», «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о взятии Царьграда турками» Нестора Искандера и др.

² Есть мнение и о единстве этих вставок с основным текстом, но, к сожалению, малоаргументированное [Дмитриев: 117–123].

³ Здесь и далее в тексте статьи в скобках после цитат стоят страницы изданного Лихачевым Волоколамского списка рукописи [Повесть о разорении 1949: 5–29].

⁴ Охобисся – остеречь, уклониться, обнимать, уязвить [Полный церковнославянский словарь: 400; Срезневский: 836–837]; охобить – охватить, окружить, огородить [Преображенский: 671].

⁵ Так, в ред. Распространенной редакции опущены слова, продолжающие эпическую тему битвы-пира, упоминание о смерти от руки Коловрата многих богатырей [Лобакова И.А. 1993b: 298].

Список литературы

Аверинцев С.С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения / под ред. М.Б. Храпченко и др. М.: Наука, 1986. С. 104–116.

Амелькин А. Когда «родился» Евпатий Коловрат // Родина. 1997. № 3–4. С. 48–52.

Аръес Р. Человек перед лицом смерти / под общ. ред. С.В. Оболенской. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Прогресс-академия», 1992. 526 с.

Богуславский В.В. Пир // Славянская энциклопедия. XVII век: в 2 т. / авт.-сост. В.В. Богуславский. М.: Олма-Пресс, 2004. Т. 2. 783 с.

Ботош И. Текст Повести о разорении Рязани Батыем по Волоколамскому списку XVI в. (№ 523) //

Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1960. Т. 6. С. 23–73.

Водовозов Н.В. Повесть о разорении Рязани Батыем // Ученые записки МГПИ им. В.П. Потемкина. 1955. Т. 48: Кафедра русской литературы. Вып. 5. С. 3–27.

Гура А.В. Война // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 584 с.

Гуревич А.Я. Пир // Словарь средневековой культуры / под общ. ред. А.Я. Гуревича. М.: РОССПЭН, 2003. 631 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М.: Изд. М.О. Вольф, 1882. Т. 3. 576 с.

Дмитриев Л.А. Литература первых лет монголо-татарского ига. 1237 год – конец XIII века // История русской литературы: в 4 т. Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1980. Т. 1. С. 117–123.

Евсеева И.А. Анализ формульного стиля Повести о разорении Рязани Батыем // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на Востоке России / отв. ред. Н.Н. Покровский и др. Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1983. С. 120–125.

Клосс Б.М. Избранные труды. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. 2. 488 с.

Комарович В.Л. К литературной истории Повести о Николе Зарайском // Труды Отдела древнерусской литературы / ред. В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 5. С. 57–72.

Комарович В.Л. Рязанский летописный свод XIII в. // История русской литературы: в 10 т. / гл. ред.: П.И. Лебедев-Полянский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946, vol. 2, iss. 1, pp. 74–85.

Котляр Н.Ф. Княжеская служба в Киевской Руси. СПб.: Наука, 2017. 242 с.

Лихачев Д.С. Повести о Николе Зарайском (тексты) // Труды Отдела древнерусской литературы / ред. В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 7. С. 257–406.

Лихачев Д.С. Повести о Николе Зарайском // Словарь книжности и книжников Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. Вып. 1. С. 332–337.

Лобакова И.А. Воинское повествование и агиографическая традиция в литературе XVII в. (на материале Распространенной редакции «Повести о разорении Рязани Батыем») // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д.С. Лихачев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993b. Т. 48. С. 297–303.

Лобакова И.А. Воинское повествование: актуальные проблемы становления и эволюции жанровой формы // Авраамиевская седмица: материалы междунауч. конф. «Чтения по истории и культуре Древней Руси в Смоленске», г. Смоленск, 11–13 сен-

тября 2019 г. / ред. А.В. Королькова и др. Смоленск: Свиток, 2020. Вып. 4. С. 184–194.

Лобакова И.А. Комментарии к публикации Повести о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997. Т. 5. С. 472–479.

Лобакова И.А. Проблема соотношения старших редакций «Повести о разорении Рязани Батыем» // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д.С. Лихачев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993a, vol. 46, pp. 36–52.

Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина. М.: Индрик, 2004, 920 с.

Орлов А.С. Героические темы древней русской литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945, 144 с.

Пауткин А.А. Беседы с летописцем. М.: Изд-во МГУ, 2002. 286 с.

Платонов О.А. Пир // Русский образ жизни / ред.-сост. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2007. 944 с.

Повесть о разорении Рязани Батыем / подг. текста, пер. и комм. Д.С. Лихачева // Памятники литературы Древней Руси. Вып. 3: XIII век / общ. ред. Л.А. Дмитриев и др. М.: Художественная литература, 1981. С. 184–199, 554–558.

Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997. Т. 5. С. 140–155.

Повесть о разорении Рязани Батыем в 1237 г. / подг. текста, пер., статьи и комм. Д.С. Лихачева // Воинские повести Древней Руси / под ред. В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 5–29, 119–142, 244–266, 284–295.

Полный церковнославянский словарь / сост. свящ. Григорий Дьяченко. М.: Отчий дом, 2004. 1120 с.

Похвала роду рязанских князей / подг. текста, пер. и комм. Д.С. Лихачева // Памятники литературы Древней Руси / общ. ред. Л.А. Дмитриев и др. М.: Художественная литература, 1981. Вып. 3. С. 200–203, 559–560.

Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 3 т. М.: Тип. Г. Лиснера, Д. Совко, 1910. Т. 1. 674 с.

Путилов Б.Н. Песня о Евпатии Коловрате // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 11. С. 118–139.

Русская философия смерти: антология / сост. К.Г. Исупова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 662 с.

Слово о полку Игореве / подг. текста, перевод и комм. О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. 687 с.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1902. Т. 2. 1802 стб.

Трофимова Н.В. Поэтика и эволюция жанра древнерусской воинской повести: дис. ... докт. филол. наук. М., 2002. 451 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1971. Т. 3. 827 с.

Kiening Ch. Le double décomposé. Rencontres des vivants et des morts à la fin du Moyen Âge. Annales. Histoire, Sciences, Sociales, septembre-octobre, 1995, vol. 50, no. 5, pp. 1156–1190.

Kyll N. Tod, Grab, Begräbnisplatz, Totenfeier. Bonn, L. Röhrscheid, 1972, 210 s.

References

Averincev S.S. *Istoricheskaja podvizhnost' kategorii zhanra: opyt periodizacii* [Historical mobility of the category of genre: the experience of periodization]. *Istoricheskaja pojetika: Itogi i perspektivy izuchenija* [Historical Poetics: Results and Prospects of Study], ed. by M.B. Hrapchenko. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 104–116. (In Russ.)

Amel'kin A. *Kogda «rodilsja» Evpatij Kolovrat* [When Evpatij Kolovrat was "born"]. *Rodina* [Homeland], 1997, № 3–4, pp. 48–52. (In Russ.)

Ar'es R. *Chelovek pered licom smerti* [Man in the face of death], ed. by S.V. Obolenskoj. Moscow, Progress, Progress-akademija Publ., 1992, 526 p. (In Russ.)

Boguslavskij V.V. *Piry* [Feasts]. *Slavjanskaja jenciklopedija. XVII vek: v 2 t.* [Slavic encyclopedia. 17th century: in 4 vols.], ed-comp. V.V. Boguslavskij. Moscow, Olma-Press Publ., 2004, vol. 2, 783 p. (In Russ.)

Botosh I. *Tekst Povesti o razorenii Rjazani Batyem po Volokolamskomu spisku XVI v. (№ 523)* [Text of the Tale of the ruin of Ryazan by Batu according to the Volokolamsk list of the 16th century]. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, Akadémiai Kiadó Publ., 1960, vol. 6, pp. 23–73. (In Russ.)

Vodovozov N.V. *Povest' o razorenii Rjazani Batyem* [The Tale of the Ruin of Ryazan by Batu]. *Uchenye zapiski MGPI im. V.P. Potemkina* [Scientific notes of the Moscow State Pedagogical Institute. V.P. Potemkin], 1955, vol. 48, part 5, pp. 3–27. (In Russ.)

Gura A.V. *Vojna* [The War]. *Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheski slovar': v 5 t.* [The Slavic antiquities. The Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.], ed. by N.I. Tolstoj. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1995, vol. 1, 584 p. (In Russ.)

Gurevich A.Ja. *Pir* [The Feast]. *Slovar' srednevekovoj kul'tury* [Dictionary of Medieval Culture], ed. by A.Ja. Gurevich. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2003, 631 p. (In Russ.)

Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t.* [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.]. St. Petersburg; Moscow, Publ. M.O. Vol'f, 1882, vol. 3, 576 p. (In Russ.)

Dmitriev L.A. *Literatura pervyh let mongolo-tatarskogo iga. 1237 god – konec XIII veka* [Literature of the first years of the Mongol-Tatar yoke. 1237 – late 13th century]. *Istorija russkoj literatury: v 4 t.* [History of Russian literature: in 5 vols.]. Leningrad, Nauka, Leningr. otdelenie Publ., 1980, vol. 1, pp. 117–123. (In Russ.)

Evseeva I.A. *Analiz formul'nogo stilja Povesti o razorenii Rjazani Batyem* [Analysis of the Formula Style of the Tale of the Ruin of Ryazan Batu]. *Rukopisnaja tradicija XVI–XIX vv. na Vostoke Rossii* [The handwritten tradition of the 16th and 19th centuries in the East of Russia], ed. by N.N. Pokrovskij. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie Publ., 1983, pp. 120–125. (In Russ.)

Kloss B.M. *Izbrannye trudy. Oчерki po istorii russkoj agiografii XIV–XVI vv.* [Selected Works. Essays on the history of Russian hagiography of the 14–16th centuries]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2001, vol. 2, 488 p. (In Russ.)

Komarovich V.L. *K literaturnoj istorii Povesti o Nikole Zarajskom* [To the literary history of the Tale of Nikolai Zaraisky]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], ed. by V.P. Adrianova-Peretc. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1947, vol. 5, pp. 57–72. (In Russ.)

Komarovich V.L. *Rjazanskiy letopisnyj svod XIII v.* [Ryazan annalistic collection of the 13th century]. *Istorija russkoj literatury: v 10 t.* [History of Russian literature: in 10 vols.], ed. by P.I. Lebedev-Poljanskij. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1946, vol. 2, part 1, pp. 74–85. (In Russ.)

Kotljars N.F. *Knjazheskaja sluzhba v Kievskoj Rusi* [Princely service in Kievan Rus]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2017, 242 p. (In Russ.)

Lihachev D.S. *Povesti o Nikole Zarazskom (teksty)* [The story of Nikolai Zarazsky (texts)]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], ed. by V.P. Adrianova-Peretc. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1949, vol. 7, pp. 257–406. (In Russ.)

Lihachev D.S. *Povesti o Nikole Zarazskom (teksty)* [The story of Nikolai Zarazsky (texts)]. *Slovar' knizhnosti i knizhnikov Drevnej Rusi* [Dictionary of bookishness and scribes of ancient Russia], ed. by D.S. Lihachev. Leningrad, Nauka Publ., 1987, vol. 1, pp. 332–337. (In Russ.)

Labakova I.A. *Voinskoe povestvovanie i agiograficheskaja tradicija v literature XVII v. (na materiale Rasprostranenoj redakcii «Povesti o razorenii Rjazani Batyem»)* [Warrior Narrative and Hagiographic Tradition in 17th Century Literature (based on the material of the Distributed edition of "The Tale of the Ruin of Ryazan by Batu")]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], ed. by D.S. Lihachev. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1993b, vol. 48, pp. 297–303. (In Russ.)

Lobakova I.A. *Voinskoe povestvovanie: aktual'nye problemy stanovlenija i jevoljucii zhanrovoj formy* [The Military Narration: Actual Problems of Formation and Evolution of the Genre Form]. *Avraamievskaja sedmica: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Chtenija po istorii i kul'ture Drevnej Rusi v Smolenske», g. Smolensk, 11–13 sentjabrja 2019 g.* [Avraamievskaya week: materials of the international scientific conference “Readings on the history and culture of Ancient Russia in Smolensk”, Smolensk, September 11–13, 2019], ed. by A.V. Korol'kova. Smolensk, Svitok Publ., 2020, vol. 4, pp. 184–194. (In Russ.)

Lobakova I.A. *Kommentarii k publikacii Povesti o razorenii Rjazani Batyem* [Comments on the publication of the Tale of the Ruin of Ryazan by Batu]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [Library of Literature of Ancient Russia], ed. by D.S. Lihachev. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 5, pp. 472–479. (In Russ.)

Lobakova I.A. *Problema sootnoshenija starshih redakcij «Povesti o razorenii Rjazani Batyem»* [The problem of the correlation between the senior editions of the “Tale of the Ruin of Ryazan Batu”]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], ed. by D.S. Lihachev. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1993a, vol. 46, pp. 36–52. (In Russ.)

Morozov I.A., Slepčova I.S. *Krug igry. Prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krest'janina* [The circle of the game. Holiday and play in the life of a North Russian peasant]. Moscow, Indrik Publ., 2004, 920 p. (In Russ.)

Orlov A.S. *Geroicheskie temy drevnej russkoj literatury* [Heroic themes of ancient Russian literature]. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1945, 144 p. (In Russ.)

Pautkin A.A. *Besedy s letopiscem* [Conversations with the chronicler]. Moscow, MGU Publ., 2002, 286 p. (In Russ.)

Platonov O.A. *Pir* [The Feast]. *Russkij obraz zhizni* [Russian way of life], ed.-comp. O.A. Platonov, Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2007, 944 p. (In Russ.)

Povest' o razorenii Rjazani Batyem [The Tale of the Ruin of Ryazan by Batu], podg. teksta, per. i komm. D.S. Lihacheva. *Pamjatniki literatury Drevnej Rusi* [Library of Literature of Ancient Russia], pp. 184–199, 554–558. (In Russ.)

Povest' o razorenii Rjazani Batyem [The Tale of the Ruin of Ryazan by Batu]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [Library of Literature of Ancient Russia], ed. by D.S. Lihachev, St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 5, pp. 140–155. (In Russ.)

Povest' o razorenii Rjazani Batyem v 1237 g. [The Tale of the Ruin of Ryazan by Batu in 1237], podg. teksta, per., stat'i i komm. D.S. Lihacheva. *Voinskie povesti Drevnej Rusi* [Military stories of Ancient Russia], ed. by V.P. Adrianova-Peretc, Moscow; Leningrad, AN

SSSR Publ., 1949, pp. 5–29, 119–142, 244–266, 284–295. (In Russ.)

Polnyj cerkovnoslavjanskij slovar' [Complete Church Slavonic Dictionary], comp. svjashh. Grigorij D'jachenko. Moscow, Otchij dom Publ., 2004, 1120 p. (In Russ.)

Pohvala rodu rjazanskih knjazej [Praise to the family of the Ryazan princes], podg. teksta, per. i komm. D.S. Lihacheva. *Pamjatniki literatury Drevnej Rusi*. [Literary Monuments of Ancient Russia], ed. by L.A. Dmitriev. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1981, vol. 3, pp. 200–203, 559–560. (In Russ.)

Preobrazhenskij A.G. *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka: v 3 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 3 vols.]. Moscow, G. Lissnera i D. Sovko Publ., 1910, vol. 1, 674 p. (In Russ.)

Putilov B.N. *Pesnja o Evpatii Kolovrate* [Song about Evpatij Kolovrat]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], ed. by D.S. Lihachev. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1955, vol. 11, pp. 118–139. (In Russ.)

Russkaja filosofija smerti: antologija [Russian philosophy of death: anthology], comp. K.G. Isupova, Moscow; St. Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2014, 662 p. (In Russ.)

Slovo o polku Igoreve [A word about Igor's regiment], podg. teksta, perevod i komm. O.V. Tvorogova. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [Library of Literature of Ancient Russia], ed. by D.S. Lihachev. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 4, 687 p. (In Russ.)

Sreznevskij I.I. *Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka: v 3 t.* [Materials for the dictionary of the Old Russian language: in 3 vols.]. St. Petersburg, Imperatorskoj Akademii nauk Publ., 1902, vol. 2, 1802 col. (In Russ.)

Trofimova N.V. *Pojetika i jevoljucija zhanra drevnerusskoj voinskoj povesti: dis. ... dokt. filol. Nauk* [Poetics and evolution of the genre of the ancient Russian military story: DSc thesis]. Moscow, 2002, 451 p. (In Russ.)

Fasmer M. *Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols.], per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. Moscow, Progress Publ., 1971, vol. 3, 827 p. (In Russ.)

Kiening Ch. Le double décomposé. Rencontres des vivants et des morts à la fin du Moyen Âge. *Annales. Histoire, Sciences, Sociales*, 1995 (septembre-octobre), vol. 50, no. 5, pp. 1156–1190.

Kyll N. Tod, Grab, Begräbnisplatz, Totenfeier. Bonn, L. Röhrscheid, 1972, 210 s.

Статья поступила в редакцию 18.05.2021; одобрена после рецензирования 22.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 18.05.2021; approved after reviewing 22.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.